

Куор В. И.,

*старший преподаватель кафедры украинского языка и славянской филологии
ГВУЗ «Приазовский государственный технический университет»*

ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «ЧЕРНАЯ ШАЛЬ»

Анотація. Статтю присвячено питанню про те, чи є прототипом головної героїні кишинівська знайома Пушкіна Каліпсо Поліхроні, і це незважаючи на те, що «Чорна шаль» була написана в 1820 р., тобто до знайомства Пушкіна з Поліхроні. Умовно у статті розглядаються дві версії її смерті: перша – реальна й офіційна. Її озвучив Н.С. Алексєєв, друг Пушкіна, фразою в листі: «Каліпсо в сухотах». Друга – художня. Її автор – К. Негруци, молдавський письменник. Він стверджує, що Каліпсо Поліхроні померла в монастирі, і він бачив у катакомбах монастиря її череп. Ми поставили під сумнів цю версію, оскільки, на наш погляд, без спеціальних аналізів неможливо визначити за черепом особу людини.

Окрім того, «Чорна шаль» – це перший вірш, написаний Пушкіним після приїзду до Кишинєва. Він фізично не міг знати народну семантику, національний колорит своїх героїв, а у вірші вони охарактеризовані доволі чітко та зі знанням справи. Сучасники стверджують, що потім, із плином часу, О.С. Пушкін без жодних церемоній приєднався до молдавських хорів, танців прямо на вулиці. В.В. Кунін зазначає у своїх дослідженнях, що загальне враження від різноманіття національних барв і знайомства поета з народними звичаями та різноплеменним устроєм виникає безперечно.

У статті відзначається, що Кишинів найбільш відповідав характеру Пушкіна. І.П. Липранді писав, що Олександр Сергійовичу за його еством потрібна була різноманітність із рішучими протилежностями, як зустрічав він їх протягом майже трирічного свого перебування в Кишинєві.

Пушкін ніби насичувався національною своєрідністю всього, що він там бачив. То він серб, то молдаванин, то турок, – і все це з перевдяганнями в костюми, які охоче йому давали жінки. «И кроткая жалость молчала во мне», – ось такі рішучі протилежності, про що свідчить мемуарист.

У статті розглядаються декілька семантичних неточностей, які неможливо вирішити однозначно, по-перше, через плін часу, по-друге, через малу кількість наукових публікацій, а мемуаристика, наявна нині, буває, на жаль, далекою від істини. Основна думка статті: А.С. Пушкін зміг стати справжнім національним поетом загальнолюдської домінанти.

Ключові слова: прототип, куртизанка, геноцид, кодекс поведінки, краса, серпанок.

Постановка проблеми. В современном литературоведении отсутствуют исследования, посвященные вопросу о том, кто стоит за образом героини стихотворения А.С. Пушкина «Черная шаль». Можно предположить, что это был либо плод фантазии поэта, либо это была юная гречанка с ее «ангельским ликом», либо фольклорный образ. Таким образом, тема

нашего исследования является одной из актуальных в русской литературе.

Анализ последних исследований и публикаций. На сегодняшний день отсутствуют публикации, проливающие свет на отношения Пушкина и Калипсо. Советское литературоведение ограничивалось мемуарными сведениями об этом (Вересаев, Вигель, Липранди). «Была она невысокого роста с красивыми правильными чертами лица, но с длинным, загнутым вниз носом», – Вересаев повторяет внешнюю характеристику лица вслед за Вигелем. Далее он говорит о том, что, кроме греческого и турецкого, она еще общалась на молдавском, арабском, французском и итальянском языках. Так что проблемы коммуникации между ними не стояло.

Цель статьи – проанализировать стихотворение А.С. Пушкина «Черная шаль», рассмотреть возможность связи образа главной героини с Калипсо Полихроні.

Изложение основного материала. Стихотворение А.С. Пушкина «Черная шаль» написано в 1820 г. [1, с. 138]. Это время кишиневской ссылки поэта, он был молод, беспечен и пылок. Стихотворение имеет подзаголовок «Молдавская песня», но трудно сказать, имеется ли такой прецедент в молдавском фольклоре. Однако с точки зрения национального колорита не следует считать лирического героя, от имени которого идет повествование, молдаваном.

Здесь «русский дух, здесь Русью пахнет». И «хладная душа», которую «терзает печаль», и молодой еврей, которому наш герой «дал злата» и, что самое важное, тут же «проклял его», «неверную деву лобзал армянин» – это так по-славянски сказано, да и «булат загремел» слишком уж по-русски.

Казалось, остался открытым вопрос о скрытой национальной неприязни между молдаванами и евреями, между русскими и евреями. Скорее, опять-таки, подспудное противостояние между славянами и евреями. Хотя в лирике Пушкина очень редко встречается слово «жид» (стихотворения «Еврейке», «Гречанке», «Калмычке» – прямое тому подтверждение), для Пушкина нет плохих или хороших национальностей – есть плохие или хорошие люди. И это истинно интернационалистский взгляд. Другое дело – национальные черты: неземная любовь гречанки, жадность еврея, необузданная любвеобильность кавказца-армянина.

Возлюбленная нашего героя – гречанка, и сразу же напрашивается мысль, что прототипом героини послужила кишиневская знакомая Пушкина Каліпсо Поліхроні. Их часто видели вместе, гуляющими в парке, причем Каліпсо, по воспоминаниям современников, неизменно носила длинную темную шаль.

Каліпсо Поліхроні – юная куртизанка, и высокая нравственность, видимо, не входила в ее поведенческий кодекс, хотя сам Пушкин в письме к князю Вяземскому называет ее возлюбленной Байрона.

В письме, датированном 5 апреля 1823 г. и адресованном П.А. Вяземскому, Пушкин приглашает его в Кишинев, обещая познакомить его с героями Скуляя, с Иордаки, с Гречанкою. По свидетельству юного Костяке Негруци, Пушкин и Калипсо ежедневно гуляли в городском парке: «То были молодой человек среднего роста, с феской на голове, и высокая юная дама, закутанная в черную шаль, которых я каждый день встречал в городском саду. Мне сказали, что молодой человек в феске был поэт А. Пушкин, этот русский Байрон, так трагически погибший, а дама в шали, которую все называли прекрасной гречанкой, – гетера, бежавшая из Ясс. Имя ее было Калипсо» [3, с. 183].

В своих воспоминаниях И. Липранди пишет, что Пушкин любил слушать длинные грустные турецкие песни, которые исполняла под гитару Калипсо. В «Письме VII» (из цикла «Черным по белому», сентябрь 1839), которое называется «Калипсо», Константин Негруци пишет: «Пушкин полюбил меня, ему доставляло удовольствие поправлять мои ошибки, когда я говорил с ним по-французски. Порой он мог целыми часами сидеть и слушать, как мы с Калипсо беседуем по-гречески; потом он читал что-нибудь из своих стихов и переводил для меня». И, наконец, самое важное свидетельство, говорящее о прямой связи стихов и частной жизни А.С. Пушкина: «Читая стихи великого русского поэта, и особенно «Черную шаль», эту поэму, созданную для юной девы, – я видел перед собою ее английский лик, и мне хотелось знать, что случилось с ней» [4, с. 6].

Официально считается, что она умерла в Одессе в 1827 г. от болезни. Но есть еще одно свидетельство, которое имеет художественный подтекст и принадлежит Константину Негруци. Он пишет о том, что дождливым осенним вечером в один из молдавских монастырей постучался юноша и попросил убежища. Впоследствии он стал послушным иноком. И только через пять лет, когда его нашли мертвым в келье, выяснилось из посмертной записки, обращенной к Господу, что это Калипсо Полихрони: «Провинилась я, Господи! Грешна! Недостойна взора поднять к небу! Да превозможет Твое милосердие великую мою вину! Боже, прости и помилуй грешницу Калипсо» [4, с. 7].

Любовник, с которым гречанка изменила нашему герою – армянин. Это представитель нации, находящейся в катаклизматических (как и греки!) отношениях с турками.

Почему выбор Пушкина пал на представителя именно этой национальности? Армяне, как и греки, очень много претерпели от турок. Начало этой вражды приходится на первые десятилетия XIX в., и дело здесь дошло до прямого геноцида армян.

Еще один безмолвный персонаж – это раб, не имеющий национальной принадлежности. Его цель – исполнять волю хозяина («верный раб»). Сам сюжет стихотворения очень прост. Гречанка изменила, еврей нашептал герою «сатанинскую правду», любовники убиты, раб выполнил волю хозяина, выбросил их тела в дунайские волны. Однако, на наш взгляд, «здесь русский дух» и обращенная фраза к еврею: «Я дал ему злата и проклял его», – звучит слишком уж по-русски.

Вообще вопрос о поселении евреев в России требует отдельного освещения. Ограничимся лишь тем, что долгое время им запрещалось (со времен Ивана IV) селиться в центральной России. Видимо, поэтому их скопилось довольно много в Украине, Молдавии, Бессарабии. Достаточно указать на то,

что академик Л.П. Сабанеев в своей книге «Жизнь и ловля пресноводных рыб», говоря о рецептах блюд из щуки, назвал евреев «клопоподобной нацией» [9, с. 466]. Так же негативно отзывался о них Н.М. Карамзин в «Истории государства российского» [10, с. 594]. Трудно сказать, послужили ли эти высказывания материалом для «черносотенцев», но факты остаются фактами.

Разумеется, такого эпизода в жизни Пушкина не было, но он мог существовать в его воображении. Он мог быть порожден либо изменой, либо даже намеком на нее.

Все последующие стихи за «Черной шалью» отмечены оттенком обиды, измены, расправы и т. д.: «Свободы страж, карающий кинжал, Последний судия позора и обиды» («Кинжал»), «мне вовсе не жаль изменщицы младья», «я пережил свои желанья» («Элегия»).

Осмелимся предположить, что категория измены наложила свой отпечаток на лирику поэта последних лет, и время от времени он к ней возвращался.

Теперь определимся во времени: «В почтовой карете, запряженной четверкой лошадей, осенним днем 21 сентября 1820 г. подкатил к Кишиневской станции молодой человек с несколькими чемоданами, заполненными преимущественно книгами и рукописями» [4, с. 19].

Официально считается, что с Калипсо Полихрони Пушкин познакомился в июне 1821 г., летом были сделаны наброски к ее портретам. 1822 г. датировано его стихотворение-послание «Гречанке». Общение с прекрасной гречанкой длилось до 1824 г. Именно этим годом датировано прощальное стихотворение «Иностранке», которое многие исследователи относят к Калипсо Полихрони:

«На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу;
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая» [1, с. 169].

Уже упоминалось, что «Черная шаль» была написана в 1820 г., а Калипсо и Пушкин познакомились в 1821 г., в июне. К. Негруци пишет, что они прогуливались по бульвару: она, укутанная в черную шаль, он во фраке – не жарко ли было? Было ли это стихотворение плодом поэтической фантазии Пушкина, или что-то напутали с датами? По обыкновению, Пушкин ранее умышленно «путал» даты с тем, чтобы скрыть адресаты своих любовных похощений. Может, и в нашем случае произошло то же самое!

«Пушкин не хотел, чтобы мы знали, кого именно любил он в 1820 г., о ком тосковал до 1823-го, и кого не забывал и позже. Он сознательно путал даты под стихотворениями, придумывал «подставные» инициалы, правил тексты стихов, старательно избегая «личностей». Так вправе ли мы теперь догадываться?» [7, т. 1, с. 354].

Об интернационализме Пушкина говорят многие факты жизни его в Кишиневе: «Бывало и Пушкин тут гуляет. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уже смотришь:

Пушкин серб или молдаванин» [7, т. 1, с. 388]. Кроме того, это подтверждает стихотворный набросок самого Пушкина:

«Теснится среди толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин» [7, т. 1, с. 389].

Национальные характеристики, как видим, те же, что и в «Черной шали».

Итак, официально Калипсо умерла от чахотки и похоронена в Кишиневе. Н.С. Алексеев, с которым жил в Кишиневе Пушкин, сообщил, что «Калипсо в чахотке». Это было 30 октября 1826 г., а в 1830 г. во время болдинской осени Пушкин пишет стихотворение «Заклинанье», где неожиданно звучит имя Лейла, которым он называл свою возлюбленную, которой (и он это знал) уже не было в живых:

«О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, –
Я тень зову, я жду Лейлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой».

И, может быть, следующие за заклинанием по времени написания «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы»:

«От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,

Темный твой язык учу...» – проливают свет истины на эти отношения [1, с. 267].

Мы видим, что поэт взывает к тени своей возлюбленной, хочет ее увидеть такой, какой он видел ее перед разлукой – «бледна, хладна». Пушкиноведение не располагает конкретными сведениями о том, как же закончились отношения поэта и Полихрони.

«Портретов гречанки, с которой Пушкин встречался в Кишиневе, неизвестно», – считает Т.Г. Цявловская. Однако исследователь говорит о том, что целый ряд мемуаристов оставил яркие воспоминания о внешности этой оригинальной красавицы [6, с. 137].

«Она была невысока ростом, – пишет Вигель, – худощава, и черты лица у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица прилепив ей огромный ястребиный нос» [6, с. 137].

«Она была чрезвычайно маленького роста, с едва заметной грудью, длинное, сухое лицо, – вторит ему И.П. Липранди, – пела она на восточный манер, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные заунывные песни с аккомпанементом глаз, а иногда жестов...» [6, с. 137; 4, с. 22].

Здесь имеет место семантическая неточность. Упоминание о росте прекрасной гречанки не совпадает с утверждением Костаке Негруци («то были молодой человек, с феской на голове, и высокая юная дама, закутанная в черную шаль»). Кто же все-таки прав, осталось тайной.

Такой же тайной остаётся и то, что Вигель рассказывал, будто «воображение Пушкина было разгорячено мыслями, что лет с пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятиях лорда Байрона, путешествовавшего тогда по Греции»

[6, с. 139]. Именно оно подсказало и вдохновило Пушкина на написание прекрасного послания «Гречанке»:

«Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов.
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою не скромной...» [6, с. 139].

Т.Г. Цявловская допускает мысль, что Пушкин остался доволен удавшимся портретом. Редчайший случай – он подписался под ним и поставил дату: «AP.26 Sept 1821».

Н. Савостин утверждает, что первым стихотворением Пушкина, приехавшего в Кишинев, была «Чёрная шаль», она была написана, повторимся, в 1820 г. Это официально. Нам кажется, что это стихотворение написано несколько позже, когда была Калипсо Полихрони, когда была черная шаль, когда были отношения между Пушкиным и Калипсо...

Познакомившись с Калипсо в Кишиневе и узнав, что она говорит и по-турецки, Пушкин захотел обучиться этому языку. Она спросила, какую фразу он хотел бы выучить первой, Пушкин воскликнул «Дайте мне коня!». Этот конь, этот язык нужен был ему для борьбы за свободу, справедливость, истину, красоту. А подзаголовок «Молдавская песня» в «Чёрной шали» нужен был ему как завеса, как кисея, чтобы скрыть некоторую жестокость стихотворения. Максим Горький заметил важную особенность: «Пушкин первый почувствовал, что литература – национальное дело первостепенной важности» [4, с. 88].

И думается, что Пушкин не стал бы национальным поэтом, не открыл он сердца для новых впечатлений, не проявил он такой любви к истинному в национальных культурах других народов: молдаван, болгар, греков, цыган.

Выводы. Время написания стихотворения умышленно сокрыто А.С. Пушкиным, – он не мог ничего знать о гречанках и их семантической сути, сущности их поведения. Элементы национальной семантики присутствуют в стихотворении: любовь гречанки, сребролюбие еврея, любвеобильность армянина, – и только интернационализм образа автора «Гляжу, как безумный, на черную шаль» выводит читателя на общечеловеческое осмысление сути стихотворения – неприятие измены.

Литература:

1. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 1 т. Москва, 1900. С. 138.
2. Пушкин и его окружение : словарь-справочник / Л.А. Черейский ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз. Пушкинская комис. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1988. 544 с.
3. Негруци К. Калипсо. Письмо VII из цикла «Черным по белому». *Избранное*. Кишинев : Карта Молдовеняскэ, 1973. С. 183–185.
4. «...Священна для души поэта» / сост. А. Коркина, М. Хазин. Кишинев : Литература артистикэ, 1987. С. 19–28.
5. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. Москва : Искусство, 1980. 446 с.
6. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками : в 2 т. / ред. В.В. Кунин. Москва : Правда, 1987.
7. Пушкинский календарь. К столетию со дня гибели А.С. Пушкина. 1837–1937 / ред. Б.М. Волин. Ленинград : ОГИЗ, 1937. 158с.
8. Сабанев Л. Жизнь и ловля пресноводных рыб : по изд. «Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб», 1911 г. Киев : Киевский дом книги : Конформ Стайл, 2017. 466 с.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Харьков : Фолио, 2011. 1149 с.

Kior V. Elements of national semantics in “Black shawl”, a poem by A. S. Pushkin

Summary. The article expresses the hypothesis that Calypso Polychroni, A.S. Pushkin’s acquaintance from Kishinev was the prototype of the main character of his poem “Black shawl”, despite the fact that the poem was written in 1820, actually, prior to their acquaintance. Actually, two versions, the official i.e. the real one and the artistic are analyzed in the article. The former was expressed by N.S. Alekseev, a friend of A.S. Pushkin, by writing: “Calypso is suffering from T.B.” in his letter. The latter version belongs to K. Negruzzi, a writer from Moldova. He maintains that Calypso Polychroni died in a monastery and he saw her skull in monastery’s cellars. We have a strong doubt if his version is correct, as we believe that it is impossible to identify a person by a skull, without special analyses.

Moreover, “Black shawl” verse was the first poem A.S. Pushkin wrote on coming to Kishinev. He possibly could not know the folk semantics, the national colouring of his characters, though the poem was written quite precisely and clearly, as if conjured by a great connoisseur. The poet’s contemporaries maintain that later on A.S. Pushkin could eagerly join the Moldavian street dancing. V.V. Kunin notices in his investi-

gation works that the general impression of a variety of national colouring and poet’s acquaintance with local customs does not cause any doubts.

It is also noted that the city of Kivishev suited the poet’s character perfectly well. I.P. Liprandi wrote that Alexander Sergueevich needed variety with its numerous contradictions, that was his nature and he did meet them during his nearly three years stay in Kishinev.

A.S. Pushkin literally soaked the entire national coloring: he pretended to be a Serbian or a Turk with disguising himself in national suits, willingly supplied by local women. “And timid compassion kept silent in me” – here there are resolute contradictions, mentioned by the author of memoirs.

Several semantic inaccuracies were considered in the article, that cannot be singularly solved: first, because too much time has passed since then and second, there not too many publications available, while memoirs can often be too far from the truth. The main idea of the article: precise correct ions: A.S. Pushkin managed to become a deeply national poet of the universal human dominant.

Key words: prototype, courtesan, genocide, behaviour code, beauty, muslin.